

Мария Магдалена Калиневич

Морфологическая адаптация французских заимствований в современном русском литературном языке

Studia Rossica Posnaniensia 10, 49-55

1978

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

МАРИЯ МАГДАЛЕНА КАЛИНЕВИЧ

Познань

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Когда заимствование пройдет фонологическую и фонетическую адаптацию, т.е. получит такую форму, что его можно произносить с помощью фонетических средств языка-преемника, начинается второй этап его ассимиляции — постепенное вхождение в морфологическую систему.

Поскольку французские слова, заимствованные в русский язык, — это, за исключением единичных примеров, одни существительные, целесообразным будет свести наш анализ к рассмотрению средств выражения основных грамматических категорий только у этой части речи в обоих языках.

Современный французский язык не знает категории падежа в таком виде, в каком она выступает в русском. В русском языке склонение образуется синтетически с помощью падежных окончаний — притом имеется несколько типов склонений, которые отличаются друг от друга различными флексиями, а иногда возможны и две варианты формы для одного и того же падежа (напр. *-у, -а*, в род. падеже ед. числа для некоторых сущ. мужского рода). Во французском функцию падежных окончаний выполняют препозиции *à* и *de*. В самых общих чертах можно бы выделить следующие сочетания *à* и *de*, которые напоминали бы падежи, конечно, не с формальной, а функциональной точки зрения:

<i>mon père</i>	И. мой отец
<i>de mon père</i>	Р. моего отца
<i>à mon père</i>	Д. моему отцу
<i>mon père</i>	Ср.: В. моего отца
<i>de mon père</i>	Т. моим отцом
<i>à mon père</i>	П. о моем отце

В этом „склонении” выступают и артикли *le, la, un, une*, образуя с препози-

циями формы *de l', de la, à l', à la* или *du, des, d'un, d'une, à un, à une, au, aux*, содержащие в себе и препозицию и артикль.

И в русском и во французском языках отчетливо выступает категория числа. В первом, согласно с его флективным характером, средством выражения множественного числа являются окончания. Формальным показателем множ. числа во французском языке на письме считается графический знак *s* или же *x*, которые произносятся только в исключительных случаях, т. наз. *liaison*. Первостепенную роль при образовании множ. числа играют, опять же, артикли. Схематически это выглядит следующим образом:

единственное число	множественное число
<i>le, la, l'</i>	<i>les</i>
<i>un, une</i>	<i>des</i>
<i>du, de la, de l'</i>	<i>des, de</i>

Существительные во французском языке бывают мужского или женского рода. Те же родовые категории находим и в русском, но в нем выступает и третья категория — категория среднего рода, которая отсутствует во французском. Морфологическим показателем мужского, женского и среднего родов в русском языке является флексия или суффикс. Во французском же на род данного суш. указывают артикли: *la, une* у слов женского рода, *le, un* у мужского рода. Формальным признаком рода могут быть также суффиксы, а на письме буква *e* на конце слова женского рода.

Как отмечалось, заимствования при вчленении в язык-преемник должны подвергаться влиянию его морфологической системы. Не все французские заимствования являются полностью ассимилированными в этом отношении, некоторые из них не получили морфологических показателей грамматической категории рода и числа, но все, обязательно, принадлежат к одному из трех родов.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, СТАВШИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ МУЖСКОГО РОДА

Существительными мужского рода в русском языке стали французские слова, которые при заимствовании не изменили рода, т. е. во французском языке также принадлежали к мужскому роду, и те, которые, будучи раньше существительными женского рода, при заимствовании приобшились к мужскому. Исключение составляют, конечно, слова, называющие лиц. О их грамматическом роде решает пол называемого лица и они, как правило, обязаны сохранить принадлежность к определенному грамматическому роду, напр: *pensionnaire m.* — пенсионер м. р., *cavalier m.* — кавалер м. р.

2/3 анализированных нами неодушевленных существительных мужского

рода составляют слова, которые в языке-источнике принадлежали к тому же роду. Большинство из них оканчивалось на согласный и это, конечно, способствовало тому, что они приобщились к русским существительным мужского рода, не разрушая законов русской морфологической системы. Напр: *crabe* m. — *краб*, -а, м. р.; *mirage* m. — *мираж*, -а, м. р.; *choc* m. — *шок*, -а, м. р.; *souvenir* m. — *сувенир*, -а, м. р.; *préfix* m. — *префикс*, -а, м. р., *tarif* m. — *тариф*, -а, м. р.; *passé* m. — *пасс*, -а, м. р.

Но заимствовались также слова мужского рода с гласными: [а, і, у, ə, е, ѣ, ѓ, ѣ] в конечном положении. Как известно, основы, оканчивающиеся на гласный, не выступают у существительных мужского рода в русском языке. Однако заимствованиям такого типа помогла сохранить родовую принадлежность французская орфография. Согласно ее правилам после произносимых гласных выступает на конце слова графический знак, соответствующий согласному, который остается „немым”. Эти слова заимствовались в графическом облике и конечные „sonnes muets” на русской почве стали произноситься, и таким образом, данные заимствования могли принадлежать к сущ. мужского рода с основой на твердый согласный: напр.: *gilet*(t) — *жилет*, -а, м. р.; *cabine*(t) — *кабинет*, -а, м. р.; *salu*(t) — *салют*, -а, м. р.

Все рассматриваемые до сих пор заимствования, поскольку стали сущ. мужского рода с твердой основой, могли склоняться по падежам как исконные существительные — это был следующий этап их ассимиляции. Они полностью подчинились русской падежной системе, получая соответствующие флексии для единственного и множественного числа.

Французская фонема [l] при заимствовании передавалась двояко: в одних случаях — как русское твердое [л] (*journal* — журнал), в других — как мягкое [л']. В результате появились также заимствованные сущ. мужского рода с мягкой основой, напр.: *bémol* — *бемоль*, -я, м. р.; *mistral* — *мистраль*, -я, м. р.; *ensemble* — *ансамбль*, -я, м. р.; которые наряду со словами типа *laquais* — *лакей*, -я, м. р. стали склоняться по образцу исконных слов мужского рода на мягкий согласный.

Но французские слова приходили в русский язык без артикля, который является показателем грамматической категории рода, и трудно было при заимствовании всегда точно определить род заимствованного неодушевленного существительного. Например, чем отличаются сущ. мужского рода типа *crabe*, *bolide* от таких слов, как *cascade*, *limite*, являющихся сущ. женского рода? В результате многие французские сущ. женского рода в русском языке определились как сущ. мужского рода благодаря таким формальным признакам, как нулевое окончание и основа на согласный, которые свойственны этой категории рода. Напр.: *marmelade* n.f. — *мармелад* м. р., *sorte* n.f. — *сорт* м. р.; *façon* n.f. — *фаçon* м. р.; *surprise* n.f. — *сюрприз* м. р.; *marche* n.f. — *марш* м. р., *grippe* n.f. — *грипп* м. р.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, СТАВШИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ ЖЕНСКОГО РОДА

Только немногие заимствованные существительные женского рода остались в русском языке в таком виде, в каком они выступали во французском, и одновременно сохранили принадлежность к женскому роду, напр., слова: *gouache* n.f. — *гуашь*, -и, ж. р.; *flèche* n.f. — *флешь*, -и, ж. р. и *brioche* n.f. — *бриошь*, -и, ж. р. С основой на шипящий они могли приобщиться к сущ. женского рода типа *мышь*, *рожь* и склоняться по образцу того же склонения, что и указанные слова.

Остальные, чтобы войти в русскую морфологическую систему как сущ. женского рода, должны были присоединить к заимствованной основе флексию -а, которая является признаком женского рода в русском языке (в противоположном случае они становились сущ. мужского рода). Все заимствования, которые приобрели флексию, полностью ассимилировались в языке-преемнике и кроме категории рода, обладают категориями числа, падежа как исконные сущ. женского рода. Напр.: *tonne* n.f. — *тонн* -а, -ы, ж. р., *loge* n.f. — *лож* -а, -и, ж. р.; *mode* n.f. — *мод* -а, -ы, ж. р.; *attaque* n.f. — *атак* -а, -и, ж. р.; *presse* n.f. — *пресс* -а, -ы, ж. р.

Таким же путем происходила в русском языке морфологическая адаптация французских сущ. с суффиксом -ette, который обозначает место, орудие, предмет или же деминутив. Часть этих слов заимствовалась фонетически и, поскольку обладала основой, оканчивающейся на согласный -т, становилась сущ. мужского рода (*cuvette* n.f. — *кювет*, м. р.; *pirouette* n.f. — *пирует*, м. р. и т. д.). Те, которые остались словами, принадлежавшими, как во французском языке, к женскому роду, подверглись дальнейшим морфологическим изменениям, а именно, кроме флексии -а, получили суффикс -к-, значение которого соответствует значению суффикса -ette. Однако суффикс -к- не выступал на месте -ette, он присоединялся к полной основе французского слова, как будто повторяя значение французского суффикса. Напр.: *pipette* n.f. — *пипет-к-а*, *rosette* n.f. — *розет-к-а*, *statuette* n.f. — *статуэт-к-а*, *couchette* n.f. — *кушет-к-а*.

Для заимствованных сущ. женского рода с суффиксом -ette приобретение в русском языке суффикса -к-(а) является закономерностью, исключение составляют *манжет-а* от *manchette*, а сущ. от *cassette* имеет две формы *кассет-а* и (чаще) *кассет-к-а*. Все указанные сущ. склоняются по парадигмам женского склонения.

Как среди заимствованных сущ. мужского рода, так и среди сущ. женского рода существуют слова, принадлежность которых к определенной категории рода решается с помощью не формальных признаков, а семантических — это существительные, называющие лиц. Они переоформлялись таким же образом, как и остальные сущ. женского рода: получали флексию -а или же суффикс -к- и флексию -а. Напр.: *dame* n.f. — *дам-а*; *princesse* — *принцесс-а*; *soubrette* -*субрет-к-а*; *marionette* — *маршонет-к-а*.

Французские сущ. женского рода с основами на [i], по образцу греческих и латинских заимствований в русском языке отличаются финальным элементом (не флексией!) *-ия*. Напр.: *féerie* n.f. — *феерия*, *-и*; *bourgeoisie* — *буржуазия*, *-и*, *diversion* n.f. — *диверсия*, *-и*; *révolution* n.f. — *революция*, *-и*.

Сравнительно мало французских слов мужского рода при заимствовании стало сущ. женского рода. Главным образом, это были слова, основа которых оканчивается на гласный *-а*. Конечный элемент основы взял на себя роль окончания и полная французская основа выступает только в им. падеже ед. числа. Это слова: *taffetas* n.m. — *тафт* *-а*, *-ы*; *réséda* n.m. — *резед* *-а*, *-ы*; *falbala* n.m. — *фалбал* *-а*, *-ы*; *galimatias* n.m. — *галиматья*, *-и*; *petunia* n.m. — *петунья*, *-и*.

7 слов мужского рода во французском вошло в категорию женского в русском языке и получило окончание *-а*: *casque* n.m. — *каска* *-а*, *-и*, ж. р.; *ambre* n.m. — *амбр* *-а*, *-ы*, ж. р.; *masque* n.m. — *маск* *-а*, *-и*, ж. р.; *amalgame* — *амальгам* *-а*, *-ы*, ж. р.; *lustre* n.m. — *люстр* *-а*, *-ы*, ж. р.; *porte-épée* n.m. — *портупея* *-и*, ж. р.; *ressort*, n.m. — *рессор* *-а*, *-ы*, ж. р.

ЗАИМСТВОВАНИЯ, СТАВШИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ СРЕДНЕГО РОДА

Чтобы французские заимствования могли стать сущ. среднего рода, они должны обязательно переменить свой род по сравнению с языком-источником, в котором нет категории среднего рода. Практически, некоторые французские имена сущ. мужского рода при заимствовании становились сущ. среднего рода.

Характерной чертой всех заимствований, ставших сущ. среднего рода, является небольшая степень их морфологической ассимиляции, что выражается, главным образом, в омонимичности словоформ в парадигме, т. е. все они принадлежат к так наз. несклоняемым сущ. Исконные слова среднего рода имеют основы, оканчивающиеся на твердый согласный, мягкий согласный с флексиями *-о*, *-е* или же *-а*, в словах типа *племя*, *имя*; заимствованные — отличаются основами с конечными гласными и это первое и очень существенное препятствие на пути к их усвоению, а также, во многих случаях, свидетельствует об их устном заимствовании, поскольку при письменном — графические знаки на конце слов переходят в русский язык в виде фонем (напр. *beret*, *ber*[ε] — *берет*, ср. *sachet*, *sach*[ε] — *саше*) и позволяют данным сущ. приобщаться к мужскому роду. Итак, слова, которые пришли в русский язык с такими основами, должны были изменить свой облик или же остаться чуждыми русской морфологической системе. Напр.: *pas* n.m. — *па*, ср. р.; *bras* n.m. — *бра*, ср. р.; *métro* n.m. — *метро*, ср. р.; *bureau* n.m. — *бюро*, ср. р.; *atelier* n.m. — *ателье*, ср. р.; *taxi* n.m. — *такси*, ср. р.; *croquis* n.m. — *кроки*, ср. р.; *menu* n.m. — *меню*, ср. р.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ *SINGULARIA TANTUM*
И *PLURALIA TANTUM*

Среди рассмотренных нами имен сущ., заимствованных из французского языка, были сущ. так называемых категорий *singularia* и *pluralia tantum* т. е. с невыраженным противопоставлением единственного и множественного числа. Заимствования такого типа причисляются, однако, к словам, прочно вошедшим в русскую морфологическую систему. Их употребление исключительно в одном из чисел вытекает из семантики данных слов. Это, прежде всего, для сущ. *singularia tantum* — названия веществ, абстрактов, для *pluralia* — парных предметов.

Исконно русские слова с такими же значениями также не образуют в русском языке форм обоих чисел. Более того, указанные заимствования и в языке-источнике не характеризовались противопоставлением единственного и множественного числа.

Существительные *singularia tantum*, как и другие ассимилированные заимствования, получили категории рода и падежа, согласно изложенным выше правилам. Напр.:

1) Существительные со значением вещества: *gélatine* n.f. — *желатин*, -а, мн. нет; *gouache* n.f. — *гуашь*, -и, мн. нет; *caramel* n.m. — *карамель*, -и, мн. нет; *fine champagne* n.m. — *финьшампань*, -я, мн. нет.

2) Растения: *vanille* n.f. — *ваниль*, -и, мн. нет; *rainette* n.f. — *рекет*, -а, мн. нет.

3) Ткани: *tripe* n.f. — *трип*, -а, мн. нет; *marli* n.f. — *марля*, -и, мн. нет.

4) Названия учений, направлений в политике, литературе и т. п.: *décadence* n.f. — *декаданс*, -а, мн. нет; *Fronde* n.f. — *Фронда*, -ы, мн. нет; *modernisme* n.m. — *модернизм*, -а, мн. нет.

5) Существительные, выражающие состояние: *rage* n.f. — *раж*, -а, мн. нет; *transe* n.f. — *транс*, -а, мн. нет.

6) Названия свойств, качеств, действий: *patronage* n.m. — *патронаж*, -а, мн. нет; *sabotage* n.m. — *саботаж*, -а, мн. нет; *camouflage* n.m. — *камуфляж*, -а, мн. нет; *manicure* n. — *маникюр*, -а мн. нет; *plantage* n.m. — *плантаж*, -а, мн. нет.

7) Собираательные: *meuble* n.m. — *мебель*, -и, мн. нет; *клака*, -и, мн. нет; *gendarmérie* n.f. — *жандармерия*, -и, мн. нет.

Заимствованных представителей категории *pluralia tantum* мы обнаружили сравнительно мало, напр.: *convenances* n.f. — *конвенансы*, -ов, ед. нет; *mémoire* n.m. — *мемуары*, -ов, ед. нет.

При морфологической адаптации французские заимствования претерпевают в русском языке большие изменения. Это вытекает из различий между морфологическими системами анализируемых языков, которые мы попытались сопоставить. При вхождении в русскую морфологическую систему заим-

ствованное французское слово становится немотивированной основой, которая получает определенную родовую принадлежность, падежные окончания, категорию числа и может быть производящей основой.

Некоторым отклонением можно считать заимствования, определившиеся в русском языке как сущ. среднего рода. Они, в отличие от исконных сущ-среднего рода, характеризуются омонимичностью словоформ в парадигме.